

Мельников В

22/11 86

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1986, 22 нояб. - 3.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Будимир Метальников, секретарь правления Союза кинематографистов СССР

СЦЕНАРИЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Я НАЧИНАЮ эти заметки с тяжелым чувством человека, потерпевшего поражение. Только что прошло заседание секретариата правления Союза кинематографистов СССР, где обсуждался тематический план производства фильмов на 1987 год, и мы были вынуждены с горечью констатировать, что громоздкая машина нашего кинематографического корабля продолжает идти прежним курсом и не может ни притормозить, ни сделать крутой поворот. Притормозить — значит сворачивать производство, сокращать штат специалистов на студиях, а чтобы повернуть — нужны новые сценарии, которых пока нет. Это значит, что в 1988 году — третьем году пятилетки! — основной поток фильмов на экране мало чем будет отличаться от того, что мы имеем сейчас. И критика вправе будет бомбить кинематограф, как она сделала это в начале нынешнего года. И зритель вправе будет спросить: где же ваша перестройка? Что же изменилось после V съезда кинематографистов?

Но как быть, если средний цикл производства — от замысла сценария до выхода фильма на экран составляет в самом лучшем случае два с половиной года? Неужели ничего нельзя было сделать? Можно! Кое-что все же можно было успеть. Первый сигнал тревоги по этому плану секретариат подал еще в июне. Следовало бы кое-какие фильмы, качество которых известно уже наперед, отодвинуть, заменить другими. Возможно было срочно составить список экранизаций ярких, значительных произведений (один «Пожар» В. Распутина или «Печальный детектив» В. Астафьева чего стоят!), включить их в план, и тогда мы могли бы получить 10—15 фильмов актуальных, острых, проблемных, которые оказались бы в духе времени.

Но для этого надо было преодолеть инерцию мышления на студиях и в Госкино. Для этого надо было отказаться от тех накатанных приемов, с помощью которых верстается план. Для этого надо было проявить определенную жесткость, потому что за каждым наименованием стоит человек, который ждет своей очереди на постановку иногда годами, которого жалко и т. д., и т. п. Получается, всех жалко, кроме зрителя! И поэтому уже заранее мы вынуждены просить извинений у зрителя 1988 года...

Ах, план, план. Его Величество План!.. «Я планов наших люблю громадьей...» Никоним образом я не отрицаю плана, план необходим — это перспектива, это точка отсчета, это стратегия. И все же, все же, как случилось, что величайшее достижение социалистической экономики, ее мощнейший рычаг, который помог превратить когда-то отсталую Россию в мощную мировую державу, нет-нет, да и оборачивается этаким фетишем, во имя которого совершаются приписки, липовые рапорты, а то и прямые преступления?

Конечно, планы надо выполнять, даже пере-выполнять. Например, хорошо на поле вырастить урожай в пятьдесят центнеров хлеба вместо запланированных двадцати пяти, но вряд ли есть смысл в условиях фондирования и лимитирования материалов кому-то выполнять план на 150 процентов, а другому недо-получать эти материалы. Нам, видимо, пред-стоит научиться правильно составлять эти са-мые планы. Чтобы не получалось так, как сказал один герой кинофильма: «А что такое плановое хозяйство? Это — р-раз — и тебя не запланировали!»...

Так вот, в плане, который мы обсуждали, не запланированы многие темы и проблемы, о ко-торых буквально кричат газеты. И что удив-ительно: всего — некого обвинять! Очень по-средственный план есть, а виноватых нет? Как же так?

А меж тем грядет составление плана на 1988 год, фильмы которого начнут выходить на экраны в 1989 году — предпоследнем году пятилетки. И представители студий не без гор-дости представляют темы и имена, из ко-торых следует, что приблизительно на сорок процен-тов план уже готов. Список выглядит репре-зентативно. Интересные темы, известные име-на режиссеров. Вроде бы оно и хорошо. Но... все эти сценарии написаны давно. Большин-ство до XXVII съезда. Неужели история повто-рится? Но когда я предложил остановиться на этом, не спешить с планом, дать место для сценариев, которые еще только пишутся и бу-дут готовы где-то в середине следующего го-да, то в ответ получил обвинение, что я, де-скать, выступаю против плана вообще. И вот я снова стушу себя в грудь и заявляю — братцы, да я не анархист, я за план. Но план должен соответствовать духу времени — раз, и в пла-не всегда должно оставаться место для опера-тивного маневра... это два. Не должны хоро-шие сценарии выстраиваться в унылую оче-редь! Но и на это я получил ответ, что, де-скать, плохо разбираюсь в системе финансиро-вания кинопроизводства, что финансисты тре-буют от студий план финансово обсятаных фильмов будущего года до июня текущего года.

Ох, уж эти финансисты! Никак они нас не поймут... Представьте себе такую картину — приходивший ревизор в Дубну или Обнинск и го-ворит:

— Так, так, и сколько же стоит этот син-хрофазотрончик? Ого! И сколько вы на нем произвели частиц? Разрешите взглянуть на склад продукции. Как нет? Ни одного кило-грамма? Следы на фотографиях? Одни следы, а сами-то где же они? Ну, знаете, следы — это не убедительно, что же вам поверит? И т. д. Словом, тема для Михаила Жванецкого. Но, очевидно, такого рассказа не будет, потому что ученых финансисты уважают и верят им. А нам — нет!

Выступая на съезде кинематографистов, я — который уже раз! — призывал: пора закончить расходы на заготовку сценариев в соотношении один к трем. Был слух — этот вопрос намере-ны наконец решить. Решили — один к двум. Мало! Мало! Мало!

Я читал документ, предшествующий этому решению. Финансисты в очередной раз приво-дили грозные цифры, затраченные на сцена-рии, не пошедшие в производство. Их полага-ется списывать в графу убытков или произво-дительных затрат.

Но почему? Почему не плановых затрат? Ни одному ревизору не придет в голову явиться к физикам и сказать: ну вот что, отпускаем вам столько-то миллионов на открытие новой частицы. Откроете — молодцы. Не откроете, пеняйте на себя, а мы вам больше не дадим. Хороший сценарий — это тоже открытие че-го-то такого, что мы еще не видели. А видели, так не понимали. А понимали, так совсем не в той мере. В сценарии, как в семени, заключе-ны и росток, и вся крона будущего дерева филь-ма. Каждый агроном знает — сеять надо специ-ально отобранными семенами. (А есть еще по-нятие элиты, но куда уж нам до таких высот!)

Сегодня средняя стоимость сценария не пре-вышает полутора процентов от фильма. Мы на-чинаем мелочиться и экономить в самом нача-ле творческого и производственного процесса. А ведь еще с тех самых времен, когда вообще появились на земле торговцы и производители, они научились сразу же считать не затраты, а отдачу, доход, процент прибыли. До тех пор, пока мы будем сеять не отборными семенами, то бишь сценариями, урожай — качество филь-ма — будет низким. Сколько и кого еще надо убеждать?

Теперь, когда студии должны приобрести большую финансовую самостоятельность, ко-гда Союз кинематографистов реально влияет на процесс создания фильма, зарождается новый экономический механизм. Заготовка сценариев с поправкой на неудачу, надеюсь, будет заложена в нем и принесет свои заметные плоды при минимальных издержках. Этот же меха-низм должен одновременно и не дать лазейку для халтурщиков, которые надеются получить заказ и гонорар, а там — трава не расти.

ПЕРЕСТРОЙКА и ускорение. Ускорение и инерция. Можно сказать, что ускорение есть преодоление инерции. Но сколько же инер-ции предстоит нам еще преодолеть! И может быть, самое трудное в этом процессе — инерция мышления. Сколько окостеневших догм и по-стулатов необходимо пересмотреть и переос-мыслить. Сколько предстоит споров!.. И вот что мне кажется: пора нам научиться спорить, не боясь оказаться неправыми. Особенно это относится к вопросам и принципам, которые долгое время представлялись незыблемыми. Не потому ли и наше обществоведение оказалось в отрыве от запросов жизни, что ученые бо-лись оказаться неправыми, а то и просто ере-тиками?

Как случилось, что многие наши теоретики и историки марксизма-ленинизма превратились в неких охранников при классическом насле-дии? Даже когда многие мои коллеги пытались ссылаться на подлинные исторические факты и документы, дяди из соответствующего инсти-тута говорили угрюмо: мало ли что? Нельзя! Эти специалисты, вместо того чтобы развивать теорию применительно к задачам нового вре-мени, специализировались главным образом в наклеивании ярлыков. Буквально — полшага вправо, полшага влево с накатанной дорожки — и готов ярлык (а то и оргвыводы)!

Однажды услышал я такую историю: прини-мали человека в партию. Отличные характери-стики, солидные рекомендации — все шло хо-рошо. И только под конец собрания кто-то за-дал вопрос:

— А что, собственно, вас побуждает всту-пить в партию?

— Хочу иметь возможность занимать руко-водящие должности, — простодушно ответил кандидат.

За тридцать лет творческой жизни Будимир Метальников, персонально и в соавторстве, написал сценарии, по которым поставлены ленты, ставшие заметным явлением в нашем кино, — «Крутые горы» и «Отчий дом», «Простая история» и «Алешикина любовь», «Дом и хозяин» и «Надежда и опора»... К какой бы сфере человеческой деятельности ни обращался кинодраматург, работы его пронизывают токи высокой нравственности и гражданственности. О кино, о его проблемах и задачах Б. Метальников размышляет сегодня на нашей странице.

Естественно, его отвергли. Но не менее есте-ственно задаться вопросом — ну, а если бы он слукавил? Если бы ответил, «как положено»?

Давно произошла эта история, и давно я ду-маю о проблеме так называемой номенклатуры. Почему партийный билет стал как бы пропу-ском на руководящую должность? Не теряем ли мы при этом возможности использования многих толковых и энергичных специалистов, то есть опять же недоиспользуем тот самый творческий потенциал?

Судебные процессы, прошедшие в Средней Азии, в Москве, в Ростове и других местах, подтвердили тот факт, что партия, увы, не оказалась гарантией честности для иных ответ-ственных руководителей.

Свою Советскую власть мы избираем в тес-ном блоке коммунистов и беспартийных. Ду-маю, этот блок, эта нерушимая связь партия с массами, с не состоящими в ее рядах честны-ми трудящимися должны действовать и в по-седневней жизни. А это значит, что опреде-лять место и роль каждого в жизни нашего об-щества надо по деловым и политическим каче-ствам: умен, предан идеалам социализма, энер-гичен и профессионален, способен организовать дело по-новому — вот тебе важный пост, руко-води, действуй.

Дорогой читатель! Часто ли вы слышали о том, что директор завода, председатель колхо-за, руководитель научного или учебного заведе-ния подал в отставку в знак несогласия с вы-сестоящим начальством? Я не слышал. То есть уйти «по собственному желанию» теоретически может каждый, но... если его отпустят. (В на-шем фильме «Надежда и опора» секретарь райкома так и говорит председателю колхоза: «Освободишь тебя от должности мы сможем только вместе со всеми твоими партийными обязанностями!»)

Иногда такой постановкой вопроса исклю-чается творческое несогласие, невозможность отстаивать свои позиции, а это ведет к покор-ному неволеющему исполнению. Ох, сколько же нарабатывали такие исполнители в од-ном только сельском хозяйстве!

Споры и разногласия будут всегда. Стало быть, нужна и форма выражения несогласия. Отставка — это несогласие, выраженное откры-то и принципиально. Наконец, отставка — это подлинная гласность, а гласность — кислород демократии.

Школу демократии и гласности мы, кинематографисты, начали проходить на нашем пя-том съезде. Когда самолет преодолевает зву-ковой барьер, раздается взрыв. Что-то вроде такого взрыва произошло и в дни съезда. Это взорвались долгое молчание и неудовлетворен-ность. Взрыв — процесс неуправляемый, кто-то пострадал более заслуженно, кто-то менее. Обиженные недоумевают, возмущаются, сеют ложные слухи и панические настроения среди тех, кто опасается перестройки в кинематогра-фе. Так создается оппозиция новым начина-ниям. Жаль!

Ведь на съезде прозвучало только то, о чем давно разговаривали в кулуарах. Прозвучала острая, порой очень резкая, иногда даже злая критика. Ну и что? Ведь погон не срывали, звание не лишали, доброе прошлое не зачер-кивали. А в будущем никто не собирается ли-шать работы талантливых и способных людей. Не так-то их много в кинематографе.

Просто некоторые люди лишились какой-то власти, и им трудно это пережить. Понять их можно, но и им следует понять, что случи-лось, и в какой связи это находится со всем, что происходит в стране. Кстати, если и ны-нешний состав секретариата не оправдает воз-ложенных на него надежд, его переизберут на следующем съезде. И так отныне будет и впредь. И это правильно.

НОВЫЙ секретариат поручил мне возглавить работу комиссии по прокату. Начал я вни-мать в дела прокатные и ахнул!

Помните, как обрушилась критика, да и зри-тели на «Ангелику», «Танцора диско» и про-чие зарубежные кассовые боевики? То, что я сейчас хочу сказать, это не возражения по су-ществу критики, не защита прокатчиков, им все равно придется преодолевать инерцию при-вычек и перестраиваться — это необходимое пояснение к создавшемуся положению. Не от хорошей жизни прокатчики обратились к упо-мянутым фильмам. Кривая посещаемости ки-нотеатров, начиная с 1974 года, резко устре-милась вниз.

С помощью «Ангелики» удалось только при-тормозить падение посещаемости и выполнить план пятилетки. А планы существуют не толь-ко для того, чтобы получать премии за их вы-полнение. Деньги от проката поступают в ме-стный бюджет, из них платят зарплату учите-лям, санитарам, библиотекарям и прочим ра-ботникам непроизводственного сектора. Что же касается премии, то я понял и хочу, чтобы это поняли читатели — большинство из вас полу-чают зарплату намного выше зарплаты рабо-тников проката. Так что грех попрекать их пре-мией. (Кстати, как мне сообщили, вот уже восемь месяцев прокатчики план не могут вы-полнить, не получают премии, перспектива многих пугает, и вот уже прокат и кинофика-ция начали терять наиболее квалифицирован-ных работников). Статистика неумолимо пока-зывает: каждый год падение доходов от посе-щаемости кинотеатров — более чем на четыр-надцать миллионов рублей. А меж тем Мин-фин железной рукой планирует увеличение плана на следующий год только по государ-ственной сети кинотеатров (есть еще и проф-союзная) на много миллионов! Коллизия?

А знаете ли вы, дорогие читатели, что ки-нематограф уже перестал быть доходной от-раслью? Что почти столько же, сколько про-кат отчисляет в госбюджет, он потом выбирает в виде дотации на содержание киносети. Такие вот дела...

Как и весь кинематограф, прокат должен пе-рестраиваться и по многим направлениям. Для начала наш союз вместе с Госкино подготови-ли проект для общей перестройки проката. Проект, как известно, должен быть согласо-ван с другими ведомствами, но что тут на-чалось! Все — против! Мы предлагаем объеди-нить государственную сеть с профсоюзной — ВЦСПС против. Мы предлагаем увеличить зарплату работникам проката, а премии теснее увязать с показателями, стараемся привлечь квалифицированных работников со специа-льным образованием, дефицит которых остро ощущается в прокате. — Минфин против. Мы хотим привлечь к работе в кинотеатрах пенси-онеров — собес против! Кстати, если вы уви-дите очередь у касс кинотеатров, это далеко не всегда означает хороший фильм. Часто очередь образуется просто оттого, что прода-вать билеты некому. Но собес пока против!

Адская эта работа — увязывать и согласо-вывать что-нибудь с бюрократами! И нет у процесса перестройки более злого врага, чем бюрократ. Потому что бюрократ — это всегда лицемер, трус и лодырь. Он лицемер, потому что свои личные интересы выдает за интересы государства. Он трус, потому что стремится пе-реложить ответственность на других. Он ло-дырь и лентяй, потому что всегда старается от-ложить работу от себя и свалить на кого-то...

Бюрократия — это масса, стремящаяся к по-кою. (А если и движение — то только по инер-ции и — ради бога! — никаких ускорений!). Мы сегодня много уповаем на перестройку мышле-ния, но что делать с бюрократом? Бюрократом не рождаются, им становятся. Но что сделать, чтобы тот, кто стал бюрократом, изменил свое мышление?

Отсюда — необходимость создания механиз-ма, как бы выталкивающего бюрократа из себя.

Конструкторы и техники, создавая слож-ные системы, часто используют термин «защи-та от дурака», и эта защита должна гаран-тировать, что система ни по ошибке, ни по зло-му умыслу не сработает во вред человеку. Так вот всем нам, где бы мы ни работали, очень нужна система, защищающая от бюро-крата. И думается мне, что подобная система заключается в соединении самого демократи-ческого самоуправления с хозрасчетом. Плюс гласность.

И очень полезно время от времени огляды-ваться назад, чтобы лучше понимать наши се-годняшние ошибки, их связь со вчерашними. Без этого, без глубокого анализа ошибок про-шлого, без нравственного очищения от прошлых грехов — а они есть! — трудно двигаться впе-ред.

Можно предвидеть, что тут раздадутся недовольные голоса:

— А не хватит ли?..

Не исключено, что в дело вступит и тяже-лая артиллерия «теоретиков» разных калиб-ров:

— А куда это нас заведет? Не выбьет ли в этих расчетах с прошлым глаз настоящему?

Не сомневайтесь, что такая контратака про-тивников перестройки последует. Кое-какой шорох за обоями уже слышится...

Надо будет выстоять, не убояться ярлыков и обвинений, в которых некоторые поднаторе-ли гораздо больше, чем в умениях делать дело.

...Я начинал эти заметки рассказом о том впечатлении, которое произвел на нас произ-водственный план 1987 года. Это было общее впечатление об общем плане. И, конечно, это не значит, что в нем не окажется картин, до-стоинных внимания. Наверняка будут и достой-ные, и интересные фильмы, просто всем нам хотелось, чтобы их было больше.

На моем письменном столе с весны лежит чистый лист с названием будущего сценария. И больше ничего! Во-первых, мне не хочется спешить, хочется писать как-то по-другому и не хочется пользоваться тем, что может вы-глядеть сегодняшней конъюнктурой. А во-вто-рых, мне просто некогда.

Немало тоскливых часов провел я на всяко-го рода заседаниях, а теперь я охотно иду на них. Мне впервые так интересно!

Мы пока тонем в тысяче вопросов, не все-гда умея выделить первоочередное. Нам не хватает... чутью бюрократизма или умения правильно составлять бумаги и продвигать их в высестоящие органы. В чем-то мы еще не-разворотливы, несогласованно действуем, ино-гда пробуксовываем на месте... Но — интерес-но!

Интересно — и даже очень! — наблюдать противостояние группировок, столкновение са-молетов, игру амбиций, как кто-то шустрит вокруг своих дел или радеет за приятелей... А что вы хотите? Мы всего-навсего Союз кинематографистов, а не Союз праведников, и сек-ретариат — тоже не сонм ангелов! Но ведь это жизнь! Тем и интересна.

Чем же мы заняты?

Если коротко, то можно сказать, что мы пи-шем сценарий. Но не для фильма, а для все-го кинематографа — каким ему быть. И мы не имеем права написать плохой и даже сред-ний сценарий — только замечательный! И сколько на это уйдет времени, пока трудно сказать, скорее всего года два или больше...

Зато когда он будет написан, я получу пра-во думать, что мне неслабенько повезло — я дважды ощутил своим слабым плечом огром-ное колесо Истории — первый раз еще совсем зеленым мальчишкой на войне, и вот теперь, на склоне лет, в годы перестройки...